

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Фило[сов]ский СБОРНИК

75-ЛЕТ ВОССОЗДАНИЯ
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
В СТРУКТУРЕ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

2017

Сова возле первого гуманитарного корпуса МГУ
Фото сделано В.В. Мироновым в августе 2016 г.

Небольшой сборник заметок, посвященных образу совы в философии, различных культурах, религии, кинематографе и даже в рекламе — а также во множественном числе, составлен преподавателями, аспирантами и студентами философского факультета Московского университета в честь 75-летия воссоздания философского факультета в структуре МГУ имени М.В. Ломоносова.

ISBN 978-5-93883-331-9

9 785938 183331 9

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Фило[СОВ]ский сборник

Москва

Издатель Воробьев А.В.

2017

УДК 1
ББК 87
Ф56

*Издано в количестве 100
нумерованных экземпляров. №.....*

Ф56 Фило[СОВ]ский сборник / Под ред .А.П. Козырева,
П.Н. Костылева / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломо-
носова. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2017. — 56 с.

ISBN 978–5–93883–331–9

Небольшой сборник заметок, посвященных образу совы в философии, различных культурах, религии, кинематографе и даже в рекламе — а также во множественном числе, составлен преподавателями, аспирантами и студентами философского факультета Московского университета в честь 75-летия воссоздания философского факультета в структуре МГУ имени М.В. Ломоносова.

© Коллектив авторов, 2017

ISBN 978–5–93883–331–9 © Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2017

Научное издание

Подписано в печать 10.02.2017. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 1,36. Тираж 100. Заказ № 84

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*, корректор *Е.В. Феоктистова*

Издатель Воробьев А.В. 7720376@mail.ru. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140-2-36. 8(495)7720376

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595

СОДЕРЖАНИЕ

СОВА, МУДРОСТЬ, ФИЛОСОФИЯ / В.В. МИРОНОВ.....	4
---	---

Теоретические соvizмы

Энн Данниган. Совы / ПЕР. С АНГЛ. И ПРИМ.: А.А. БУРНАШЕВА.....	8
СОВА В АНТИЧНОСТИ / О.В. ОСИПОВА.....	15
СОВА АФИНЫ: ПОДХОДЫ К ДЕКОНСТРУКЦИИ / А.А. КОСТИКОВА	21
ULSHUVNSÁN: СОВА В КЕЛЬТСКОЙ КУЛЬТУРЕ / М.С. КИСЕЛЕВ.....	25
СОВА ПО-РУССКИ / А.П. КОЗЫРЕВ	33
СОВЫ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ / А.А. КОСТИКОВА	39
СОВА КАК ЭЛЕМЕНТ ГЕОБРЕНДИНГА / А.А. КОСТИКОВА	41
СОВЫ — НЕ ТЕ, ЗА КОГО СЕБЯ ВЫДАЮТ / А.К. ФИЛИППОВ.....	44

Поэтические соvizмы

ПО-ОСЕННЕМУ КЫЧЕТ СОВА... / СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.....	48
СОВА / ЛИДИЯ ЮДИФОВНА БЕРДЯЕВА.....	49
ИЗ «ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ» / ИОСИФ БРОДСКИЙ.....	50
МУДРЕЙШАЯ ПТИЦА НА СВЕТЕ — СОВА... / БОРИС ЗАХОДЕР	51
СОВИНЫЙ СОВЕТ ГОЛОСОВАЛ ИЗ ЛЕСОВ ... / ОЛЬГА МЯГКОВА.....	51
НЫНЧЕ ОЧЕРЕДЬ К СОВЕ / ТАТЬЯНА КЕРСТЕН	52
СОВА / БОРИС САДОВСКОЙ	53
ПЕЧАЛЬНАЯ СОВА... / БОРИС САДОВСКОЙ.....	54
ИЗ ЭМИЛЯ ВЕРХАРНА / ПЕРЕВОД АЛЕКСАНДРА БЛОКА	55
ПЕСЕНКА СОВЫ ПО ИМЕНИ ДУСЯ / ЮННА МОРИЦ.....	56

СОВА, МУДРОСТЬ, ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов

Романтический августовский вечер 2015 года... Мы с женой гуляем вокруг Главного здания Московского университета и на фоне высотки вдруг наблюдаем шевеление в кронах деревьев. Несколько сов примостились здесь и своими широкими глазами буквально смотрят на нас. Кстати, особенность сов в том, что они не могут поворачивать сами глаза, как бы скашивая их в ту или иную сторону, а вынуждены поворачивать все тело. Поэтому они всегда смотрят вперёд, и от этого их неморгающий взгляд кажется завораживающим, да ещё в темноте, где совы видят очень хорошо при наличии хотя бы малейшего источника света. И сразу первая мысль (всё же мы философы), «Сова Минервы вылетает в сумерках (или как вариант, «расправляет крылья по ночам»)), которая принадлежит Гегелю. Тихий вечер способствует размышлениям, и мы, сделав несколько снимков этой совы, просто вынуждены философствовать. Заметим в скобках, что хорошая теплая погода и тишина этому также способствует — не случайно, философия так бурно развивалась в тёплой Греции.

В чём же загадка данной фразы? Сова — символ многих философских факультетов, и нашего в том числе, но почему? Сова — мудрая птица? Не совсем так.

Сова — не мудрость и не мудрая птица, а своеобразный атрибут богини мудрости Минервы (или Афины). И это удивительным образом совпадает с пониманием философии, которую часто ошибочно тоже отождествляют с мудростью — философия же представляет собой определённое средство, позволяющее идти к мудрости, причём разными путями, например, как у Платона, с помощью диалектики. Таким образом, философия есть стремление к мудрости, но не мудрость, а поэтому она не столько даёт ответы, сколько вопрошает.

Это часто смущает тех, кто первый раз сталкивается с философией, желая получить именно ответы. Даже дав их, философия представит такой громадный список вариантов, что выбирать придется каждому. Поэтому философия не приемлет однозначных ответов. А философ — не столько мудрец, обладающий всей совокупностью знаний, сколько человек, который стремится к мудрости, понимая при этом, что полной мудростью он обладать никогда не сможет. Если мы поняли это, то вроде бы банальная фраза Сократа — «я знаю только то, что ничего не знаю», — приобретает глубину.

Учёный смотрит на мир предметным образом, надевая предметные очки и препарируя этот мир, согласно предмету своей науки, то есть опредмечивая его, как любят выражаться философы. Философия представляет собой открытое вневременное смысловое пространство, которое

содержит бесконечное множество вариантов, в том числе и противоположных, о предельных основаниях бытия и мира. То есть она не может выступать как знание определенное, в этом случае она приобрела бы собственный предмет и стала наукой, как это происходило со многими науками, которые отпочковывались от философии.

Поэтому философ является конструктором смыслов и должен, образно выражаясь, «парить» над уже созданным миром смыслов, над реальностью и конкретными проявлениями бытия. Такое отвлечение, конечно, лучше осуществлять ночью, когда разум (в виде конкретных его проявлений) дремлет, либо спит. Сон, будь то конкретный сон человека или сон социума и его проявлений, является своеобразной приостановкой процесса развития (хотя бы на время), давая возможность философу хотя бы временно выстроить «завершённое» знание, которое может быть разрушено в результате пробуждения. Именно во сне все равны и уравновешены, не разделены религией, этносом, иными социокультурными обстоятельствами. Именно в этой ситуации абстрактные рассуждения философов (до пробуждения) оказываются и наиболее истинными. Иначе говоря, философ здесь отвлекается от бренности бытия и воспаряет к его истинному пониманию с помощью собственного разума.

И ещё один вывод: «воспаряя» в собственном мышлении, на наиболее абстрактном уровне, философ может

осуществлять и глобальные предсказания, предупреждая мир о последствиях его развития в «чистой» ситуации, не заполненной обстоятельствами и зависимостями. Кстати, именно поэтому, часто повторяю я, философ должен быть дистанцирован от власти — не в смысле того, что он не вправе её исследовать, это как раз делать надо, а в том смысле, что, войдя во власть, он никогда не сможет философствовать свободно, просто утратив возможность «разумно парить» над миром. Это испытали многие философы от Платона и Аристотеля до Хайдеггера. Хотя, как отметила метафорически Н.В. Мотрошилова, Сова Минервы любила вылетать в ночи нацизма и обретала там «надёжные пристанища». Велик соблазн для философа то, что он осуществляет на уровне собственного разума, попытаться сделать в реальности, но исход чаще всего печален.

И ещё несколько характерных черт совы как атрибута мудрости. Большие глаза, придающие выразительность её облику, и умение молчать, очень часто присущи и новомодным философам, которые этим прикрывают, может быть, скорее отсутствие разума, чем его присутствие. Сова — птица-одиночка. Это тоже характерная черта философов, но если сове это нужно для осуществления охоты, то философу для сосредоточения мыслей.

Вот такие раздумья принес августовский вечер, о котором напоминает фотография, вынесенная на обложку нашего сборника.

Теоретические совизмы

Энн Данниган. СОВЫ

(Энциклопедия религии, 1987 & 2005) /

Пер. с англ. и прим.: Асия Анваровна Бурнашева

Как житель сразу двух миров, сова представляет собой многозначный символ, допускающий как положительную, так и отрицательную интерпретации. Как и большинство птиц, совы олицетворяют высшие уровни бытия (ангелов, духов, содействие и мудрость сверхъестественных существ), в то же время ночной образ жизни и зловещее уханье сов связывают их с миром бессознательной материи, мрака, смерти и слепого невежества. Испанский художник Франсиско Гойя в своей серии офортов «Los caprichos» («Причуды») изобразил сов в виде темных сил иррационального.

В сознании многих древних народов совы ассоциировались с всепоглощающей и разрушительной природой.

дой Великой Матери, а пугающая способность сов предвещать беды преобладала над более безобидными коннотациями. В египетской системе иероглифов совы означают ночь, смерть, погрузившееся во тьму солнце; в индийской традиции они символизируют душу или бога мертвых Яму; в Китае олицетворяющие смерть изображения сов вырезались на погребальных урнах. Сова являлась атрибутом бога тьмы в культуре этрусков, хтоническим символом для кельтов, которые называли ее «трупной птицей», а также табуированным животным для первых кузнецов. В язычестве абиссинских хамитов совы представлялись священными птицами, и считалось, что они воплощают в себе души тех, кто умер неотомщенным.

Связь сов с потусторонним миром и его тайнами способствовала развитию представления, что эта птица обладает знанием будущих событий, в связи с чем сова стала служить символическим изображением мудрости. В классической Греции совы почитались как предвестники благоприятных событий и посвящались Афине Палладе, богине божественного знания, человеческой мудрости и искусств; они изображались на вазах, монетах и памятниках, олицетворяя саму Афины и выступая в качестве ее спутников. Следы тотемизма обнаруживаются в одном из ее эпитетов — Γλαυκοπίς (от γλαυξ — «сова»), который наводит на мысль, что когда-то птица

почиталась как божество и лишь позднее превратилась в символ богини. Римляне связывали сову с Минервой, римским аналогом Афины, и верили, что она возвещает смерть. Печальная сова-сипуха в представлении римлян связывалась с бедствием, а ее появление на публичных ауспигиях мыслилось неблагоприятным знаком. В «Энеиде» Вергилия, когда Дидона размышляет о смерти, узнав, что Эней собирается оставить ее, она слышит, как на «на кровле сова поёт могильные песни» (пер. И.Г. Шершеневича). Шекспир в момент смерти Дункана вкладывает в уста леди Макбет фразу «Сова визжала» (пер. С.М. Соловьева).

В иудаизме сова символизирует слепоту и, согласно Талмуду, привидевшись во сне, предвещает дурное. Иудейские Писания определяют сов в разряд нечистых птиц, и, когда Господь возвещает о своем мщении Сиону, он обрекает землю стать «обителью драконов, жилищем для сов» (Ис. 34:13, см. прим. 1). Иов в отчаянии вопиет, что он — «товарищ совам» (Ив. 30:29, см. прим. 2).

В Средневековье во всей христианской Европе совы считались предзнаменованием тьмы, которая должна восторжествовать перед вторым пришествием Христа, а также символом тех евреев, которые вместо света Евангелия выбрали жизнь во тьме. Избегающая света сова приравнивалась к Сатане, Князю Тьмы, и как он склоняет людей ко греху, так и сова заманивает птиц в ловуш-

ку. Сова, изображенная вместе с отшельниками во время молитвы, представляет собой символ одиночества, а нарисованная рядом со Святым Иеронимом, она воплощает мудрость. Сцены распятия иногда изображают сову возле Иисуса Христа, своей жертвой принесшего свет тем, кто находился во тьме.

В культуре многих народов совы считаются посредниками в магии. Сибирские и инуитские (эскимосские) шаманы видят в совах духов-помощников, источник могущественной помощи и руководства, в связи с чем носят их перья на головных уборах и воротниках. Татарские шаманы пытаются принять форму птицы, а буряты хранят сов или подвешивают их кожу для защиты от злых духов. Айны считают, что сова — это создание неба. В одной самоанской деревне люди верят, что сова воплощает их божество. Злой бог ацтеков доколумбового периода изображается с сипухой на голове.

Среди некоторых племен американских индейцев считалось, что божественная сила передается шаману через посредничество сов. Индейцы кайова полагали, что знахари после смерти становятся совами, а греческие священники носили набитую фигурку совы в качестве отличительного знака принадлежности к сословию. Совиные пляски представлялись магическим ритуалом, в племени кроу (*ансалоке*) во время танца трубки мира ствол трубки украшался перьями совы и дятла, симво-

лизируя день и ночь. В некоторых племенах сова считалась психопомпом: индейцы племени оджибве называли «совиным мостом» тот мост, который пересекают мертвые, а индейцы пима верили, что перья совы облегчают душе полет в потусторонний мир.

Примечания переводчика

1. **На Ис. 34:13** – Судя по всему, автор статьи при цитировании использует Библию в переводе Ноя Вебстера (*Webster's Bible*), либо Библию Короля Якова XXI век (21st Century King James Version), в которых, действительно, в Книге Пророка Исаии упоминаются совы: *«And thorns shall come up in her palaces, nettles and brambles in her fortresses, and it shall be a habitation of dragons and a court for owls»* (Ис. 34:13). Однако в Русском синодальном переводе этот отрывок представлен как *«И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником – твердыни ее; и будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов»*, что частично соответствует древнегреческому тексту Септуагинты: *«καὶ ἀναφύσει εἰς τὰς πόλεις αὐτῶν ἀκάνθινα ξύλακαὶ εἰς τὰ ὄχυράματα αὐτῆς καὶ ἔσται ἔπαυλις σειρήνων καὶ αὐλή στρουθῶν ἔπαυλις»* (σειρήν — «сирена», στρουθός — «воробей, страус»). В древнеев-

рейском тексте Ветхого Завета о совах речь также не идет: «קָמוּשׁ וְחוּחַ בְּמִבְצָרֶיהָ; וְהִיְתָה נֹהָ תַנִּים, לְבָנוֹת־הַצִּיר יַעֲנָה» (где **בַּת יַעֲנָה** – «страус», а **תַּנִּין** – «морское чудовище, дракон, змея»).

2. На Ив. 30:29 — Дословный перевод с английского второй части отрывка из Ив. 30:29: «*I am a brother to dragons, and a companion to owls*», что в Русском синодальном переводе соответствует следующему тексту: «*Я стал братом шакалам и другом страусам*». Древнегреческий текст цитируемого отрывка: «ἀδελφὸς γέγονα σειρήνων ἑταῖρος δὲ στρουθῶν» (ἑταῖρος — «товарищ, друг, спутник», στρουθός — «воробей, страус»). Древнееврейский текст цитируемого отрывка: «תַּנִּים; לְבָנוֹת, וְרַע יַעֲנָה» (רַע — «друг, товарищ», **בַּת יַעֲנָה** — «страус»).

Библиография

Cassirer, Ernst. *The Philosophy of Symbolic Forms*, vol. 2. Transl. by Ralph Manheim. New Haven, Conn., 1955 = Издание на русском языке: *Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление*. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Сова как тотемное животное. Основывая свою концепцию тотемизма на мифическом опыте единения и равнозначности чело-

века и животного, автор объясняет тотемизм как веру в то, что род не просто ведет происхождение от данного животного, но и связан с ним магически энергией, присутствующей между ними.

Eliade, Mircea. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy* (1964). Rev. & enl. ed. Reprint, Princeton, N.J., 1970 = Издание на русском языке: *Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза*. Киев: София, 2008. Совы как могущественные покровители и духи-помощники, носители предписаний и наставлений для колдунов и шаманов, а также как символ их способности летать.

Ovid. *Metamorphoses*, vol. 2. Translated by Frank Justus Miller. New York, 1916 = Издание на русском языке: *Овидий. Метаморфозы*. М.; СПб.: Азбука, 2007. Связь сов с темной стороной богинь подземного мира и пробуждением ими первобытных страхов.

Новые источники

Cenzanto, Elena, and Fabio Santopietro. *Owls: Art, Legend, History*. Translated by Graham Fawcett. Boston, 1991; Holmgren, Virginia. *Owls in Folklore and Natural History*. Santa Barbara, Calif., 1988; Weinstein, Krystyna. *The Owl in Art, Myth, and Legend*. New York, 1991.

СОВА В АНТИЧНОСТИ

Ольга Владимировна Осипова

Кто светлыми лунными ночами бесшумно перелетает с оливы на оливу или сидит на стенах и колоннах зданий? Это совы — ночные хищные птицы, которые издревле обитают в тихих уголках и блуждают по ночам, охотясь на мелких грызунов, ящериц и насекомых; о повадках совы пишет Аристотель в «Истории животных».

Сова — враг мелких пернатых: при ее виде они сбиваются в стаю, о чем вскользь упоминает Овидий в «Метаморфозах», и даже могут прогнать незваную гостью. А охотникам такое отношение к сове помогает ловить мелких птиц. Враждует сова и с воронами, утаскивая по ночам яйца из их гнезд.

Сова, как и другие птицы, предсказывает погоду: после дождя будет ясный день, если «солнца... закат наблюдая с высокого места, тщетно выводит сова безнадежную позднюю песню», как пишет Вергилий в «Георгиках».

Какой же из более чем двухсот видов сов имеется в виду? Греческое слово *glauk* обозначает домового сыча — небольшую птицу длиной около 25 см, распространенную в Европе и Средиземноморье. Есть и несколько латинских слов для обозначения разных видов сов: *ulula* и *noctua* — сова, сыч; *strix* — ушастая сова и сипуха

(последняя, строго говоря, не сова, а представительница особого семейства — сипуховых); *bubo* — филин, самая крупная сова. О каком бы виде сов ни шла речь в произведениях античных авторов, все эти птицы имеют общие черты.

Древние считали сову мудрой и хитрой. В басне Федра «Цикада и сова» насекомое докучает птице, «привыкшей по ночам охотиться, а днем в дупле древесном наслаждаться сном», и на просьбы помолчать не реагирует. Тогда сова приглашает цикаду к себе выпить «нектара, Палладою дареного», и, когда ничего не подозревающая цикада подлетает к дуплу, съедает ее, наказав за высокомерие: «Упрямылась живая — смолкла мертвая». А в басне «Сова, кошка и мышь» о тех, «кто сам себе наживает врагов и заводит нелады с близкими», сова, приехав на спине кошки к дому мыши, пытается поймать грызуна обманом, но мышь не поддается и проклинает непрошенных гостей.

Сова — священная птица Афины, богини мудрости, которую Гомер называет *glaukopis* «светлоглазая» или «с сияющими глазами», созвучно с *glauх* «сова»; любопытно, что это также эпитет Геры и Селены (Луны). В латинском названии домового сыча сохраняется связь этого вида сов с Афиной — *Athene noctua*.

Птица пользовалась на афинском Акрополе неприкосновенностью, и совы гнездились там стаями. Сов в

Афинах было очень много: известна поговорка «везти сову в Афины», аналогичная русской «ехать в Тулу со своим самоваром». Однако появление этой птицы не всегда радовало древних греков и римлян.

Крик совы люди считали дурным предзнаменованием. Одной из женщин — персонажей комедии Аристофана «Лисистрата» совы на афинском Акрополе очень мешают: «кричат, пугают, стонут, не дают уснуть». Суеверный человек, о котором пишет Феофраст в «Характерах», если услышит крик совы, то не идет дальше, не воскликнув: «Со мной Афина владычица!» Он призывает Афины как спасительницу от наваждений Гекаты. Даже в Тартаре братья-великаны Алоады От и Эфиальт, наказанные за то, что собирались взять в жены Геру и Артемиду, мучаются от крика совы.

А вот полет этой птицы предвещал победу. Сову видели перед Саламинским сражением в 480 г. до н.э., в котором греческий флот разгромил персидский. По сообщению историка I в. до н.э. Диодора Сицилийского, автора «Исторической библиотеки», сиракузский тиран Агафокл, впоследствии властвовавший над всеми греческими городами Сицилии, перед одним из сражений велел выпустить сов, чтобы воодушевить своих воинов.

Греческие боги превращали людей в птиц, в том числе сов. Антонин Либерал, живший в конце II в. н. э., в «Метаморфозах» рассказывает несколько таких исто-

рий. Дочери Миния, сына Орхомена, будучи «неумеренно трудолюбивыми», пренебрегали празднествами в честь Диониса, и разгневанный бог наслал на них безумие: «покинув отцовский дом, они стали предаваться в горах вакхическим неистовствам, обедая плющ, вьюнок и лавр, пока Гермес, прикоснувшись к ним жезлом, не превратил их в сову и филина, и они стали избегать солнечного света». А дети Евмела не ходили на праздники богов, в том числе Афины: сын Евмела Агрон не приносил жертвы Афине, говоря, что «не любит богиню со светлыми глазами, так как у его сестер глаза черные, и вообще ему неприятна птица сова», и когда Меропида, одна из дочерей, «стала нагло насмехаться над именем Афины, та превратила ее в совенка». Полифонту, разгневавшую поочередно Афродиту и Артемиду, Арес и Гермес превратили в филина, «кричащего по ночам и живущего без еды и без питья; голову он опускает вниз, а лапы держит высоко вверх и служит для людей вестником войны и смуты». Зевс превратил Лаия, Келея, Кербера и Эголия в «птиц-прорицателей, каковы певчие дрозды, зеленые дятлы, керберы и сипухи [похожие на сов птицы, их часто путают]. Появляясь, они служат благоприятным и надежным предзнаменованием по сравнению с другими птицами, так как видели кровь Зевса».

Сова, священная птица Афины, часто изображалась и на греческих керамических сосудах. Птица сопровождала

ет богиню или сидит, иногда среди оливковых ветвей, и смотрит своими круглыми глазами прямо на зрителя. Она связана с оружием Афины: среди рисунков на вазах есть изображение совы на щите Афины и даже только совы с копьем и щитом, подобно ручной галке, для которой тщеславный человек, описанный в «Характерах» Феофраста, делает маленький медный щит, чтобы она скакала с ним по лесенке в клетке. Сову и змею, священных животных Афины, Фидий изваял на знаменитой статуе Афины в храме Парфенон на афинском Акрополе.

Изображение совы есть и на афинских серебряных монетах (тетрадрахмах, драхмах и др.), которые чеканились из серебра, добывавшегося в Лаврийских рудниках в Аттике. В поле монеты, ограниченном квадратным валиком, птица сидит, устремив на зрителя преувеличенно большие глаза. На архаических монетах, в отличие от классических, сова выглядит слегка взъерошенной, тело ее короткое, а ноги длинные. За головой совы спускается маленькая оливковая веточка с двумя листьями и плодом: олива — священное дерево богини Афины и символ процветания Афин, экспортировавших оливковое масло, наряду с серебром (в виде тетрадрахм) и керамикой (знаменитыми аттическими чернофигурными и краснофигурными вазами). Между веточкой и крылом совы находится полумесяц, обозначающий, возможно, ночной образ жизни птицы.

Сова стала эмблемой Афин, и эти афинские монеты так и называли «совами», что обыгрывает Аристофан в «Птицах» (перевод А. Пиотровского):

Сов серебряных лаврийских будет вам не сосчитать.
В вашем доме поселятся, угнездятся в кошельках,
Выводить начнут совяток и полушек наплодят.

Когда одного из персонажей «Птиц» Аристофана по ходу действия комедии атакуют птицы, он надевает на голову глиняный сосуд, объясняя это тем, что «чит горшечников сова»: Афины славились керамическим производством, и птица — символ города не нападет на человека, у которого на голове предмет афинского экспорта.

Античные изображения сов используются и сейчас. С афинской тетрадрахмы V в. до н. э. сова перелетела на современную греческую монету номиналом один евро. Сова с коринфского сосуда арибалла VII в. до н. э., хранящегося в Лувре, стала эмблемой французского издательства *Les Belles Lettres*, публикующего тексты произведений античных авторов с французским переводом (билингвы) и комментарием.

Конечно, нельзя не вспомнить и сову — эмблему философского факультета, семидесятипятилетию воссоздания которого в структуре Московского университета и посвящены эти заметки.

СОВА АФИНЫ: ПОДХОДЫ К ДЕКОНСТРУКЦИИ

Анна Анатольевна Костикова

Сова появляется на плече древнегреческой богини мудрости Афины, как символ этого ее уникального качества, во многом противопоставившего ее самому Зевсу и другим богам. Афина воспринималась, судя по всему, как покровительница народа, его защитница перед Зевсом — прежде всего на основе идей разума и справедливости во всем, в том числе и, может быть, даже прежде всего в войне. Ведь войне Афина предпочитает мирный суд. Женское божество разумной воинствующей справедливости — своеобразный вызов месту и роли реальных женщин в Афинах классического периода. Отсылка к утраченной архаике женского начала. Материнская опека не только всех воинов, но и врачей, учителей, поэтов, музыкантов, ремесленников. Афина дарит людям корабль, колесницу, уздечку для лошади, ярмо для вола, плуг, грабли, керамический горшок, музыкальные инструменты трубу и флейту. Афина обучает счету, а также прядению, ткачеству и кулинарии. И сестринская помощь греческим героям: Гераклу — доспехи и советы, Ясону — собственноручно вытканый плащ. Мудрость, таким образом, — источник «даров», неожиданных и необыкновенных, как сама Афина. Технологические инновации, полученные от более мо-

гущественных сил... Технологическая утопия справедливости и мира...

Героизм воплощенной мудрости и ее сложные отношения с отцом и его миропорядком подтверждаются мифом о происхождении Афины и генетическим объяснением ее разумности. Собственно, богиней мудрости была Метида, возлюбленная Зевса. Она была способна осознать силу своего будущего ребенка, но она бесхитростно оповестила весь мир о том, что ее сын будет сильнее своего отца Зевса. Из страха соперничества Зевс проглотил беременную Метиду. И не спасло ее то, что именно она подсказала Зевсу, как освободить его братьев и сестер из желудка его отца Кроноса. Кстати, эти же братья и сестры — Гера и Уран — уговорили Зевса ее проглотить, чтобы власть не перешла ни к кому другому. Но через некоторое время Зевс стал мучиться столь невыносимыми головными болями, что ему пришлось просить Гефеста (в другой версии — Прометея) расколоть его голову тяжелым топором — так появляется в полном боевом облачении «совоокая» Афина, как результат сложных матримонимальных отношений, оппозиций родственного и гендерного, эмоционального и рационального, неопределённого и отчетливого. Женское «сильное» начало, преодолевшее смерть, возможность жизни «за другого», наследование отцовской мощи и трагизм самой ситуации ожиданий и наследования...

Сова оказывается наиболее соответствующим амбивалентным символическим характеристикам Афины представителем животного мира. Проницательность, сила, напор. И чисто внешние атрибуты этих характеристик: пронзительный гипнотизирующий взгляд, неожиданность появления, быстрота нападения, плавность и значительность полета, расчетливость в матримониальных отношениях. И это не противоречит тем оценкам сов, которые мы встречаем в древних источниках: у Овидия, Вергилия, в Библии. Они оказываются посланниками или свидетелями не самых радостных событий. Их противоречивые характеристики трактуются, как правило, негативно: совы не строят гнезд, они имеют дело с готовыми, часто чужими, местами для жилья; совы высидывают яйца недолго, всего месяц, но кладок может быть несколько, что интерпретируется как чрезмерная статистическая расчетливость при выведении потомства; совы стараются выкормить старших птенцов, жертвуя младшими, иногда буквально поедая их или скармливая старшим.

Но не абсолютно все совы живут именно так. Видов сов — более двухсот. Какую же мудрую сову имели в виду древние греки, изображая ее рядом с Афиной? Французский ученый Бойе выбрал из всего многообразия домового сыча и именно его назвал *Athene noctua* — «Афина ночная». Именно домовый сыч обитает на юге

Европы и в Северной Африке, он живет оседло, храбро охраняет свое гнездо и даже преследует врагов. Домовой сыч охотится в основном в сумерках. Хотя, когда он вылетает на охоту днем, он даже крыльями машет иначе, он пытается сам избежать нападения хищников, а вот ночью его полет ровный и прямой — так, как это описывают древние.

ULCHUBHCÁN: СОВА В КЕЛЬТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Михаил Сергеевич Киселев

Cía ulchubhcán? Nī ansae... «Что такое “сова”? Не трудно сказать...» — скорее всего, именно такими формульными фразами начиналась бы «словарная статья» о сове в каком-нибудь средневековом ирландском бестиарии, если бы кто-то из числа ученой монастырской братии захотел бы поупражняться в риторике на родном древнеирландском языке, составив серьезный зоологический глоссарий; действительно, не всё же тайком от отца настоятеля писать на полях душеполезных трактатов и уставов благочестивой монашеской жизни стихи о беленьких котиках и черненьких дроздах.

Дальше читатель мог бы увидеть формулы *Ulchubhcán i.e. ...* «Сова — это ...» и *No ulchubhcán i.e. ...* «Или сова — это...», за которыми следовали бы различные оригинальные объяснения, приправленные подкупающими своей наивностью, но при этом весьма изобретательными и изощренными народными этимологиями, удивительными историями о совах и даже стихами. Однако, к величайшему сожалению, даже если подобное сочинение когда-то и было написано, то история нам его не сохранила. С другой стороны, есть прекрасная возможность исправить эту историческую неспра-

ведливость, ответив на вопрос: кем и чем была сова для кельтской культуры?

*Ulchubhcán i.e. ... птица, чей образ
отлично подходит для создания украшений*

До нашего времени сохранилось немало кельтских артефактов, вдохновленных образом совы, но мы назовём самые яркие из них. Во-первых, датируемые IV веком до н.э. витой золотой торквес, на концах которого — сложные украшения в виде женских голов, увенчанных головами сов, и браслет-полумесяц, украшенный подобным образом, из погребения знатной женщины, обнаруженного в Райнхайме близ Саарбрюкена (Западная Германия). Исследовательница Энн Росс выдвинула предположение, что это — изображения кельтской богини, аналогичной по функциям и атрибутам греческой Афине и римской Минерве, но отсутствие какой-либо очевидной связи между божественным персонажем и совами в нарративах не даёт возможности ни полностью подтвердить её мнение, ни опровергнуть его. Второй по времени создания, но не по значимости, артефакт с элементом в виде совы — котёл из Бро (Восточная Ютландия), датируемый III веком до н.э. Этот огромный бронзовый сосуд (вместимость около 105 литров), бывший,

по мнению большинства исследователей, вотивным даром, имеет три ручки, обрамленные головами быков, с крепежами в виде масок сов. Наверное, это самое известное и не подлежащее сомнениям изображение совы в кельтском прикладом искусстве.

*No ulchubhcán i.e. ... птица, в которую
можно превратить неверную жену*

Одна из «Ветвей» валлийского эпоса «Мабиногион» рассказывает легенду о могучем витязе и чародее Гвидионе и его воспитаннике Ллеу. Ллеу был предан своей женой Блодьювидд — она хитростью выпытала у него секрет его неуязвимости, и из-за этого он получил смертельную рану от руки её любовника, но герою хватило сил превратиться в орла и улететь. Спустя несколько лет упорных поисков Гвидион находит Ллеу, возвращает ему человеческий облик и исцеляет. Затем они при поддержке местного короля собирают войско и отправляются мстить:

И они собрали войско Гвинедда и двинулись в Ардудви. Гвидион шел впереди и был уже в Мур-и-Кастелл. Когда Блодьювидд услышала об их приближении, она взяла с собою служанок и

поднялась на вершину холма. И через реку Кинфаэл они смотрели на приближающееся войско и пятились в страхе, пока не свалились в озеро. И все утонули, кроме нее, ее же выгнали Гвидион. И он сказал ей: “Я не стану убивать тебя, но сделаю нечто худшее. Я обращу тебя в птицу, и из-за горя, что ты причинила Алеу Лау Гифсу, ты никогда больше не увидишь солнечного света, и все птицы будут ненавидеть тебя, и бить, и клевать, если обнаружат. И ты не лишишься своего имени, но всегда отныне будешь зваться Блодьювида”.

И сейчас ‘блодьювида’ — это сова на нашем языке, и все птицы враждуют с нею. И до сих пор валлийцы зовут сову ‘блодьювида’.

пер. В. Эрлихмана

Как видно из приведенного фрагмента, валлийцы не очень хорошо относились к совам. Однако, справедливости ради, надо отметить, что у всех островных кельтов (говорить можно только о них, т.к. континентальные не оставили нам практически никаких текстов) были весьма непростые отношения с птицами вообще: по мнению некоторых авторитетных исследователей, древние кельты воспринимали птиц как существ, живущих на периферии между человеческим и Иным мирами, т.к. появление птиц в сагах часто становится маркером стирания границ между мирами и грядущих за этим далеко

не всегда положительных событий. Легко догадаться, что в подобной ситуации совы оказываются в наихудшем положении, потому что, помимо всего прочего, они, в отличие от других пернатых, — ночные птицы.

*No ulchubhcán i.e. ... птица, в образе которой
людям является дьявол*

В ирландской версии артуровских легенд о поисках Святого Грааля рыцарями Круглого стола есть следующий эпизод: сэръ Борс, который наряду с Ланселотом, Галахадом и Персифалем оказался достойным лицезрения Грааля, получает видение о двух птицах, черной и белой, которые слетают к нему с вершины дерева и разговаривают с ним. В недоумении он обращается за помощью к некоему аббату, который истолковывает видение так:

Чёрная птица, которая разговаривала с тобой первой; хоть и сияла ярче вторая птица, но была менее благородна в поступках; — Иисус Христос, ибо невзрачны и бедны пути его в этом мире, но широки они и просторны в Царстве Небесном, в Единстве Святой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа. К тому же тот, кто беден и смирен в этой жизни, будет в большей славе и чести в жизни вечной.

Тот же, кто пришёл к тебе белой птицей, в виде совы, есть дьявол; ибо сова внешне ярка и сияет белизной, внутренние же её дела и труды темны. Подобные люди — лицемеры, ибо ищут похвалу от людей, потому они и не заслуживают вознаграждения от Бога, так как не для него они трудились.

Здесь уже напрашивается печальный вывод о том, что к совам в кельтской культуре относятся исключительно негативно, но, к счастью, это не так.

*No ulchubhcán i.e. ... птица, входящая в число
старейших животных*

В валлийской легенде «Килух и Олвен», традиционно включаемой в «Мабиногион», повествуется о рыцаре Килухе, который, желая жениться на красавице Олвен, выполняет различные задания её отца, не без помощи короля Артура и его рыцарей. Для выполнения одного из заданий героям необходимо было найти охотника Мабона, пропавшего за много лет до описываемых событий. Рыцари решили обратиться за помощью к старейшим из живых существ — Дрозду из Килгори, Оленю из Рединфре, Орлу из Гверн-Абуи, Лосою из Ллин-Ллиу и... Сове из Кум-Каулойд:

И они [т.е. Килух и его спутники] пошли к месту, где жила Сова из Кум-Каулойд. “О Сова из Кум-Каулойд, мы посланцы Артура. Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?” — “Если бы я знала, я сказала бы вам. Когда я появилась здесь, поле, что вы видите, было лесистой долиной, и люди пришли и вырубали лес. Потом здесь вырос другой лес и за ним третий; и за это время мои крылья иссохли, и я не могу больше летать. Ни разу с тех пор я не слышала о том, кого вы ищете. Но я сделаю что могу для посланцев славного Артура. Я отведу вас к самой древней из тварей этого мира, к Орлу из Гверн-Абуи”.

пер. В. Эрлихмана

Примечательно, что Сова занимает срединную позицию в списке старейших животных — она старше Дрозда и Оленя, но младше Орла и Лосося.

*No ulchubhscán i.e. ... птица, чьё имя
отлично рифмуется с tulchán*

Не хватит никаких слов, чтобы описать, какую важную роль играла поэзия в кельтской культуре вообще и в культуре раннесредневековой Ирландии в частности. Доста-

точно будет лишь сказать, что в сагах, правовых текстах и ученых трактатах, когда у персонажа или автора заканчиваются аргументы, он прибегает к авторитету поэзии, цитируя кого-то или сочиняя свои стихи на ходу. Поэтому «словарную статью» будет правильно завершить двустопом, посвященным сове, из ирландского средневекового грамматического трактата. Итак, *ut poeta dixit*:

Tor beag a mbárr in tulchán

Nead and ag an ulchubhcán

Башня, что венчает холм,

Для совы — родимый дом.

СОВА ПО-РУССКИ
Алексей Павлович Козырев

Сова как-то по-особому символизирует для нас ночной облик бытия, ночную сторону души (*Nachtseite*), являющую себя в сновидениях и грёзах и столь воспетую романтиками. Или, если угодно, «ночную сторону науки», как обозначал ее в своем сочинении «*Ausichten von der Nachtseite der Naturwissenschaften*» (1808) Готхильф Генрих фон Шуберт, современник Шеллинга. На крыльях Сова (или Ночи, что, впрочем, одно и то же) мы барражируем между прошлым и будущим, осуществляем телепатические переходы во времени, пророчески предвосхищаем Неведомое, вызываем тени Ушедшего. Ночь — время не действительного, но возможного, в ней душа становится пассивной, подчиняясь воздействиям магических и астральных сил. Ночное знание в корне отличается от дневного. Духи стихий, запахи и смыслы, — всё это обостряется и усиливается под шорох крыл и пристальный недвижный взгляд Сова.

В русской философской мысли Сова представляет собой далеко не самый позитивный, но весьма символический персонаж. Она — символ всеединства, гераклитовского *hen kai pan*, но всеединство являет нам себя именно ночью, а не днем, когда все вещи в мире дифференциру-

ются в своем отличии и в своей отдельности. В то же время, она далеко не «софийный» персонаж. Если она как-то и связана с Софией, то с Софией падшей, душой мира, с Хаосом, которому присущи некие добытийственные потенции. Евгений Трубецкой в «Смысле жизни» (1918) рисует вполне антисофийный облик ночной твари, прибегая к образу Совы и ее старшего брата Филина:

Есть какой-то особенный, невнятный ночной шепот птиц и насекомых; есть протяжные, неопределенные, гулкие голоса, которые как бы погружают нас в тайну звездной ночи; есть и такие, которые представляются как бы звучащею тьмою, отвратительным явлением ночного облика твари: таковы, например, металлическое циканье сов, хохот филинов, протяжный волчий вой и крики влюбленного кота на крыше. Есть и соловьиная поэма обольстительной и обманчивой лунной грезы. — Далее, есть голоса специфически утренние — утиное кряканье перед восходом солнца и возглас петуха, громко, властно возвещающий зарю.

Есть и вечерние: например, радостная симфония стрижей в честь заходящего солнца. — Есть, наконец, и особый, солнечный гимн жаворонка, выражающий полную победу полуденного солнца и ослепительное сияние небесного круга. Словом, в мире здешнем есть

бесчисленное множество намеков на световую и вместе звуковую симфонию мира грядущего. Намеки — тем более убедительные, что симфония полна эротическим подъемом: он наполняет и звуки и краски райскими обетованиями... Но эти обетования земного эроса чреватые глубокими разочарованиями. Действительность нашей жизни бесконечно далека от их осуществления: в ней симфония лишь слабое отражение потустороннего, отблеск грядущего, отдаленного как звезды, мерцающие в высоте.

Восстающий против пантеизма Князь не устал подчеркивать бессмысленность естественного существования, отказываясь молиться «пауку, ползущему по стене», как это делал один из героев Достоевского. Отказываясь видеть божественное повсюду, он делится с М.К. Морозовой своими впечатлениями от посещения синаматографа в Берлине:

Среди плоских немецких витцов и добродетельных мелодрам вдруг одна правдивая и реальная сцена. Просто — внутренность аквариума — жизнь личинки хищного водяного жука, а потом самого жука, — все это увеличенное во сто раз, так что личинка (с надписью *sehr gefräßig*¹)

¹ Нем. «очень прожорлива». — Прим. ред.

имела вид огромного живого дракона, который с четверть часа пожирал всевозможные живые существа — рыб, саламандру и т. п., которые отчаянно бились в его железной челюсти.

Я не могу представить себе более наглядного и ужасного изображения бессмыслицы естественного существования. Это та неумышленная, беспощадная и бесплодная борьба за существование, которая наполняет всю жизнь природы с тех пор, как есть животный мир. Ты не можешь себе представить, как сильно я в эту минуту ненавидел пантеизм и хотел убежать из этого мира. Редко так сильно ощущал “афонское” настроение. Может ли быть клевета на Бога гнуснее той, которая утверждает, что это божественно!

Мой друг иерей Павел рассказывал мне о прожорливых енотах, которые съели до пёрышка живущую в их доме сову, пока он с детьми совершал экскурсию в музей Дарвина. Так и не одомашненные до конца животные словно решили доказать на практике сам факт непрекращающейся ни на минуту ожесточенной борьбы за существование, о которой возвестил всему миру британский ученый. «Ну и хорошо, что съели, — добавил облеченный священным саном владелец енотов, — ей нужно было столько мышей для пропитания». Несмотря на эту кажущуюся бесцельность, в которой сторонник

природной целесообразности, какой-нибудь детерминист, атеист или материалист, увидит высший смысл существования природы как *causa sui*, Сова остается притягательным и одновременно отталкивающим символом, одухотворяя собой даже лунную эротику русского политического консерватизма. Заметим, что именно «совиные <а не, к примеру, орлиные, лебединые или гусиные> крыла» простер над Россией обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев:

И не было ни дня, ни ночи
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна...

А.А. Блок. Возмездие²

Не кроется ли источник онтологической антиномии совы и жаворонка, предложенной князем Евгением Трубецким, в русской языковой картине мира («дремлет как сова» — разумеется, днем, потому что ночью совы не спят) и, более специально, — в языковой картине мире студенчества Московского университета. Преподавав-

² Набрасывая план поэмы «Возмездие», Блок запишет: «1 марта. Победоносцев бесшумно садится на трон, как сова» (*Блок А. Собрание сочинений. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 3. С. 463*).

ший в его стенах философию права Князь мог еженедельно наблюдать за «совами» и «жаворонками» на лекциях. Заметим, что среди профессоров тоже есть свои «жаворонки» и «совы». И что делать, если подчас профессору-жаворонку приходится принимать зачет у студента-«совы», не способного проснуться и прийти в Университет раньше обеда? И наоборот, студенту-«жаворонку», ждущему возле закрытой аудитории профессора, безнадежно опаздывающего к первой паре?

СОВЫ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

Анна Анатольевна Костикова

Самое известное замечательное выражение — «парламент сов» — как нельзя лучше представляет проблему объединения мудрых и самодостаточных существ, живущих, как правило, в каком-то случайном углу, в одиночку, поскольку охотится это существо тоже в одиночку и по какому-то своему особому графику.

Само по себе выражение укоренилось для обозначения группы сов, и сама его необходимость была вызвана ложным представлением, что совы образуют такие группы. В английском языке это укоренилось как стилистически правильное обозначение групп сов, которые можно пересчитать. Но появилось это выражение, согласно одному из объяснений, как раз не из потребностей описательной биологии, а из политической сатиры на французский Парламент 1912 года, где совами обозваны бездействующие парламентарии, проспавшие экономический кризис.

Самым зловещим оказывается «Суд сов» — организованная преступная группа и секретное общество, придуманное в 2011 году писателем Скотом Снайдером и художником Греггом Капулло для серии комиксов, связанных с знаменитым супергероем Бэтменом.

Это сообщество, согласно литературной фабуле, веками контролировало город Готхам, скрывая страшную тайну похищения детей и превращения их в убийц. Днем члены этого тайного сообщества выглядят как обычные граждане города, но ночью они надевают маски сов и творят страшные дела. Впрочем, по сюжету, обнаруживается, что некоторые из членов сообщества и на самом деле — гибриды человека и совы.

СОВА КАК ЭЛЕМЕНТ ГЕОБРЕНДИНГА

Анна Анатольевна Костикова

В современном информационном мире все оказывается продвижением: сообщение о чем-либо вынуждено отвоевывать себе право сообщать, конкурируя с бесчисленным множеством других сообщений, — или элементом продвижения. Так, рассказ о каком-то месте должен, что называется, «зацепить» слушателя, то есть подключить его эмоционально, сделать его значимым, ценным для слушателя. Животные — самый простой способ достучаться до сердца каждого слушателя или зрителя, именно они становятся и наиболее эффективными элементами геобрендинга — коммуникативного продвижения территории. Местные животные становились тотемами, фигурировали в фольклоре, появлялись в гербах и флагах, иногда присутствуя символически, например, в выборе цвета герба. Следует отметить, что это не собственно геральдические фигуры, хотя геральдический смысл — символизируемые тем или иным животным качества — всегда учитывается. И таких животных в мировой культуре не так и много.

В этом отношении сова — «правильная» птица, «домоседка», редко путешествующая и способная достойно и значимо представить регион. Она, как правило, и

используется в территориальной геральдике — и почти не используется в родовой и государственной. Геобрендинг строится не только на закрепленных в гербах образах сов, но фактически создает новый символ, активно используя современные средства визуализации и предлагая собственную комплиментарную интерпретацию.

Наиболее ярким среди этих образов оказывается, конечно, образ белой совы (*Bubo scandiacus*) — хозяйки тундры, ее защитницы, символ смелого обновления жизни в этих регионах России. Самая крупная в регионе, она охотится на открытых пространствах, как правило, днем, вдали от собственного гнезда, так что многие птицы стараются поселиться поближе к гнезду белой совы ради собственной безопасности. Белая сова — своеобразный борец с браконьерами, разоряющий их капканы. А особый, ярко-желтый цвет глаз придает им особую силу, напоминающую нам о тайнах наших северных регионов, о таинственной Гиперборее.

Многие регионы, делая акцент на специфику лесов, выделяют специфичных для конкретного леса птиц. Так, бородатая неясыть (*Strix nebulosa*) — символ тайги, крупная сова, которая, кстати, тоже «не соблюдает» ночной режим охоты. Уникальная сова, проживающая в нашей Карелии, Вологодской, Мурманской и Архангельской областях — ястребиная сова (*Surnia ulula*), сова «в тельняшке», она ведет дневной образ жизни и лю-

бит бесстрашно позировать, сидя на суке отдельно стоящего дерева.

Наиболее «работающей» стала сова Афины, то есть домовый сыч (*Athene noctua*): это гербы и муниципалитета Шампийон (Франция), и муниципалитета Ле-Шу (Центр, Франция), и Вейверя (Литва). Иногда графическое изображение сыча напоминает изображение сипухи, тоже очень распространённого в Европе вида совообразных (*Strigiformes*), которые селятся иногда и в городах, правда, человеку не показываются. В Германии мы увидим активное использование ушастой совы (*Asio otus*), той самой, которая стала символом отечественной телевизионной игры «Что? Где? Когда?».

Становясь элементом геобрендинга, сова дополняет картину экологической гармонии региона, символически обозначая прежде всего его спокойствие и природную красоту.

СОВЫ — НЕ ТЕ, ЗА КОГО СЕБЯ ВЫДАЮТ

Алексей Константинович Филиппов

Это, пожалуй, — самая известная «совиная» тема в кинематографе. Культовый «Твин Пикс» был, мягко говоря, очень странным. И тамошние совы — едва ли не самое странное.

Но знакомство сов и кино началось задолго до маэстро Линча. Синематограф в принципе никогда особо не баловал птиц на первых характерных ролях, отдавая им даже более важную роль служить метафорами и глубинными смыслами — и в терновнике пели, и над гнездом кукушки пролетали, и пересмешника убивали, и королёк пел, и журавли летели... Конечно, был и Хичкок с титульными птицами, и Джон Ву, в каждом фильме которого есть сцена, где из-под ног главного героя эффектно вспархивает стая белых голубей, но всё это суть исключения.

Совы же занимают особенное место в истории кинематографа. За сто двадцать лет они появлялись в кадре нечасто, но метко и крайне разнообразно. Нет никакой архетипической киносовы. Совокупность появлений сов в кино не поддается упорядочению и является по сути паноптикумом. Конечно, отчасти это объясняется значительной разницей восприятия сов в культурах и мифах разных народов мира.

Например, в японской традиции совы символизируют дурные вести или смерть. Этот фактор неизбежно отразился на местном кинематографе. Совы появляются уже в 1910-х годах, в ранних работах Сёдзо Макино, считающегося основателем национального кинематографа. Макино специализировался на героическом жанре — самурайских драмах. В ряде его картин присутствуют совы, которые встречаются героям на пути к неравному бою или другим кульминационным сценам с печальным концом. Таким образом, совы выступают роли символов — сюжетных спойлеров, явно намекающих зрителю на грядущую трагедию. Далее в японском кино образ сов прослеживается преимущественно как подобный символ, вплоть до возведения его в абсолюта в триллере «Сова» (Fukurô, 2003).

Рассмотрим отличные примеры явлений и появлений сов в кино. Греко-римская культура наделила сов нездешней мудростью, и эта ипостась периодически встречается в западной кинотрадиции. Так, в анимационном фильме «Секрет Н.И.М.Х.» Великая Сова направляет героя на нужный путь и дает бесценные советы. Или в анимационных экранизациях Милна Сова предстает самым мудрым персонажем, некой антитезой хаотичной житейской неугомной пытливости Винни-Пуха. На протяжении всей эпопеи Пух ставит кажущиеся ему одному насущными вопросы и ищет на них ответы, часто довольно эксцентричными способами, у Совы же давно есть ответы на все

вопросы, и он (в советской версии — она) со снобистским благодушием просветленно взирает на незадачливые приключения остальных персонажей.

В большом количестве фильмов и мультфильмов, начиная с диснеевского «Бэмби», совы выступают в качестве учителя или наставника. Трагикомично появление совы в фильме братьев Фарелли «Тупой и еще тупее»: на благотворительном вечере, посвященном проблеме вымирания исландской снежной совы, главные герои Гарри Дан и Ллойд Кристмас случайно убивают пробкой от шампанского предпоследнюю на земле такую сову, тем самым уничтожив популяцию.

Также сова может служить главным героям спутником и помощником. Так, в фильме 1981 года «Битва титанов», в пародийном ключе излагающем античные мифы и легенды, Персею в его походах помогает золотая сова-робот. При всей очевидной абсурдности, образ именно совы на этом месте полностью оправдан. В киносаге о приключениях Гарри Поттера сова по имени *Hedwig* (в переводе Букля) выполняет техническую вспомогательную функцию — почтальона.

Учитывая ночной образ жизни, хищный и пронзительный взгляд и пугающие крики в темной лесной тишине, в различных культурах совам приписывался мистический ореол и определенные сверхъестественные способности. В целом ряде кинокартин совы предстают в виде оборотней.

В фильме «Лабиринт» персонаж Дэвида Боуи имел обыкновение обращаться в сову и охотиться на детей. В стоящей несколько особняком картине «Скеллиг» персонаж Тима Рота начинает ощущать себя совой и пытается ею стать, ведя совиный образ жизни и общаясь с совами. Даже если рассматривать эту фабулу как готическую интерпретацию «Маугли», на первом плане именно серьезные и глубинные попытки понять сов и стать одним (одной?) из них.

Не обошел стороной эту тему и отечественный кинематограф — в экранизации «Ночного дозора» Сергея Лукьяненко одну из героинь волшебные силы приговорили к жизни в обличье совы, но впоследствии она возвращает себе изначальный облик. В фильме Ридли Скотта «Бегущий по лезвию» сова является символом и логотипом всемогущей корпорации, обозначая собой знания и совершенство. Наконец, в упомянутом выше сериале Дэвида Линча «Твин Пикс» загадка иных воплощений и ипостасей местных сов так осталась без ответа.

Было рассмотрено лишь ограниченное количество частных случаев, но даже из подобной выборки становится очевидно, что типологизировать киносов не представляется возможным. Философский же аспект образа совы в кинематографе пусть и не полно, но наиболее ярко отображен в анимационном фильме Юрия Норштейна «Ежик в тумане». Несомненно, грозная и величественная сова, являющаяся главному герою во время его одиссеи, — не что иное, как вольное осмысление гегелевской Совы Минервы.

Поэтические совизмы

ПО-ОСЕННЕМУ КЫЧЕТ СОВА... / Сергей Есенин

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

СОВА / Лидия Юдифовна Бердяева

На дубе старом
Я ночую.
Не спится мне,
Беду я чую.
Не спится мне.
Я полечу.

Лечу, лечу,
А ветер воет.
Чу! Голос ведьмы...
— Ау, ау! Кума, сюда!
К тебе есть дельце.

За лесом знаешь старый дом?
Невеста ждет там жениха,
А он умрет! Ха-ха! Ха-ха!

Лечу, лечу.
Вот сад, вот дом
Старинный, над прудом.
К окну лечу, крылом стучу...
— Умрет, умрет, умрет, —
Кричу.

Из «Пятой годовщины» / *Иосиф Бродский*

Там слышен крик совы, ей отвечает филин.
Оваццо листвы унять там вождь бессилён.
Простую мысль, увы, пугает вид извилин.

Там украшают флаг, обнявшись, серп и молот.
Но в стенку гвоздь не вбит и огород не полот.
Там, грубо говоря, великий план запорот.

Других примет там нет — загадок, тайн, диковин.
Пейзаж лишен примет и горизонт неровен.
Там в моде серый цвет — цвет времени и бревен.

МУДРЕЙШАЯ ПТИЦА НА СВЕТЕ — СОВА... / *Борис Заходер*

Мудрейшая птица на свете — сова.
Все слышит,
Но очень скупа на слова.
Чем больше услышит —
Тем меньше болтает.
Ах, этого многим из нас не хватает!

СОВИНЫЙ СОВЕТ ГОЛОСОВАЛ ИЗ ЛЕСОВ ... / *Ольга Мяжкова*

СОВиный СОВет голоСОВАл из леСОВ ноСОВ не
выСОВывать. СО Времён бесСОВестных — СОВ-
падение — кто за СОВ, тот под заСОВ. Но СОВесь
у СОВ есть, поСОВещавшись, СОВы СОВетовали
СОВременным СОВятам СОВершенствоваться в
философии.

КурСОВые зариСОВки философских вопроСОВ
СОВята СОВьют СОВершенно доброСОВестные,
для интереСОВ СОВременников весомые, СОВпа-
дающие с СОВокупностью масСОВых запроСОВ.

Нынче очередь к СОВЕ / Татьяна Керстен

Нынче очередь к СОВе.
Нужен всем её СОВет,
Ведь сердитая СОВа
Знает мудрые слова.
Но уж больше трёх чаСОВ
Дверь закрыта на заСОВ
И доносится ворчанье:
— Нет СОВы! На СОВещанье!

СОВА / Борис Садовской

Есть особый пряный запах
В лунном оклике совы,
В сонных крыльях, в мягких лапах,
В буро-серых пестрых крапах,
В позе вещей головы.

Ночи верная подруга,
Я люблю тебя, сова.
В грустных криках запах луга,
Вздохи счастья, голос друга,
Скорбной вечности слова.

ПЕЧАЛЬНАЯ СОВА... / *Борис Садовской*

Печальная сова,
Одинокая сова
Плачет в башне над могилой
В час вечерний, в час унылый,
В час, когда растет трава.

Ослепшие цветы,
Помертвевшие цветы
Дышат грустью погребальной
В час вечерний, в час печальный,
В час грядущей темноты.

Безумные слова,
Несказанные слова
Рвутся из груди холодной
В час вечерний, в час бесплодный,
В час, когда кричит сова.

Из Эмиля ВЕРХАРНА / перевод Александра Блока

А тем, — что делать им среди равнин,
Другим шагам, несметным и бесплодным,
Подслушанным на Рождестве холодном,
Влекущимся от Шельды, сквозь леса? —
Сиянье красное кусало небеса.

Одних и тех же мест алкая,
Издавна, издали, в болотах, меж травы,
Они брели, как бродит сила злая.
И вопль их возлетал, как хрип совы.

Могильщик шел с лопатой следом
И хоронил под ярким снегом
Громаду сложенных ветвей
И окровавленных зверей.

ПЕСЕНКА СОВЫ ПО ИМЕНИ ДУСЯ / Юнна Мориц

Я мудрая-премудрая,
Ах, я ужасно мудрая,
Я самая премудрая полярная сова,
И мама моя мудрая,
Ох, мудрая-премудрая,
Она ужасно мудрая полярная сова.

Летаю я летательно,
Скачу я кувыркательно
И бегаю скакательно,
По звёздам зная путь,
А жизнь так удивительна,
Она гремит гремительно,
Она звенит звенительно,
Бим-бомкает чуть-чуть!

Во тьме я очень зрячая,
Летучая, скакачая,
Вовсю хвостом рулячая,
По звёздам знаю путь,
И в море с ураганами,
С полярными туманами
Матросам с капитанами
Бим-бомкаю чуть-чуть!

Я просто изумительна,
Ни с кем я не сравнительна,
Смотри, как я храбрительна,
По звёздам зная путь!
Но самое, но главное —
Какие песни славные
Мечтательно, творительно
Бим-бомкаю чуть-чуть!